

Васильева Н. Н. Лексико-семантическая экспликация концепта СМЕРТЬ в якутском языке / Н. Н. Васильева, А. М. Николаева // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 35—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-35-46.

Vasilyeva, N. N., Nikolayeva, A. M. (2017). Lexical-Semantic Explication of Concept DEATH in Yakut language. *Nauchnyy dialog*, 12: 35-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-35-46. (In Russ.).

УДК 811.512.157'373.612.2:393

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-35-46

Лексико-семантическая экспликация концепта СМЕРТЬ в якутском языке

© **Васильева Надежда Николаевна (2017)**, orcid.org/0000-0002-1742-1974, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), vaserel@mail.ru.

© **Николаева Альбина Михайловна (2017)**, orcid.org/0000-0002-8651-5587, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aliasams@rambler.ru.

Излагаются результаты лексико-семантической экспликации универсального концепта СМЕРТЬ в якутской языковой картине мира. Актуальность работы обусловлена тем, что изучение концептов, занимающих значительное место в якутской лингвокультуре, в настоящее время не завершено. Отмечается также, что лингвисты всегда проявляли интерес к содержанию концепта СМЕРТЬ и особенностям его лексической репрезентации средствами разных языков, поскольку он принадлежит к числу универсальных концептов. Подчеркивается эвфемистичность обозначений смерти. В качестве материала исследования выступили устойчивые словесные комплексы якутского языка, обозначающие смерть. Предлагаются подготовленные авторами буквальные переводы речевых оборотов. Например, приводятся выражения, которые дословно могут быть переведены следующим образом: «исчезнуть из мира белого солнца», «залезть в яму», «выйти на косогор», «душа его охладела» и др. К анализу привлекаются фразеологизмы с другими значениями: 'лишать жизни, убивать', 'пойти на смертельный риск' и др. Они подтверждают и уточняют метафоры, выявленные на основном материале. Лексика анализируется с учетом этнографического фона — сведений о традициях якутских захоронений, об отношении к самоубийцам и др. На якутском материале выделены следующие модели представления о смерти: «смерть — переселение в иной мир», «смерть — конец», «смерть — тьма», «смерть — сон» и др.

Ключевые слова: концепт; смерть; якутский язык; метафора; эвфемизмы; национальная картина мира.

1. Введение

Понятие «смерть» как одно из базовых смыслов человеческого бытия относится к разряду универсальных концептов, занимающих важное место в языковой картине мира. Ученые, в том числе лингвисты, всегда проявляли интерес к содержанию и средствам языковой репрезентации концепта СМЕРТЬ. В современном языкознании немало работ, посвященных этому концепту и средствам его лексической репрезентации [Балашова, 1998; Грабарова, 2001; Невская, 1980; Урусова, 2001 и др.]. Л. Г. Невская приходит к выводу о том, что «дорога и связанные с нею представления образуют сердцевину погребального обряда, так как именно посредством этих образов разрешается его основная коллизия — соединение сфер жизни и смерти» [Невская, 1980, с. 228]. Л. В. Балашова отмечает, что члены семантического поля «Смерть» «активно включаются в процесс метафоризации, характеризуя конечный этап развития, утрату или уничтожение чего-либо, причем средства выражения каузативной ситуации (прекращение развития чего-либо как волевой акт, результат целенаправленной деятельности со стороны внешних сил) значительно более разнообразны, нежели фиксация прекращения процесса, утрата признака и т. п.» [Балашова, 1998, с. 127]. Р. А. Урусова справедливо указывает на наличие значительного количества эвфемистических зашифровок концепта СМЕРТЬ, связанных с персонификацией смерти [Урусова, 2001, с. 71]. В «Новом объяснительном словаре синонимов» под редакцией Ю. Д. Апресяна построен и описан актуальный для русского языка синонимический ряд (*смерть, кончина, конец, гибель*) с доминантой *смерть* с учетом смысловых и стилистических характеристик и особенностей употребления [Апресян, 2004].

Представления о смерти у якутов в этнографическом аспекте подвергались изучению [Бравина, 2000; Бравина и др., 2008; Слепцов, 1989 и др.]. В якутском языкознании концептуальные исследования начались сравнительно недавно [Афанасьева, 2013; Мыреева, 2014; Николаева, 2016; Николаева, 2017; Слепцов, 2006 и др.]. Лингвистическое описание концепта СМЕРТЬ также представлено в ряде публикаций [Готовцева и др., 2005; Готовцева и др., 2017; Скрябина, 2016; Тарабукина, 2017 и др.]. В настоящей статье, продолжающей традицию изучения представлений о смерти, зафиксированных посредством фразеологических выражений и поговорок, проводится лексико-семантическая экспликация универсального концепта СМЕРТЬ в якутской языковой картине мира.

2. Представление о смерти у якутов

У якутов в древности понимание смерти было связано с переселением души человека — *кут* — в иной мир. Когда умирал состоятельный человек, то вместе с ним хоронили все его принадлежности, даже любимого коня. Якуты верили, что после смерти жизнь человека не прерывается, а продолжается, но в несколько ином измерении. Считалось, что сущность человека имеет три составляющие: *ийэ-кут* ‘мать-душа’, *салгын кут* ‘воздух-душа’ и *буор кут* ‘земля-душа’. Согласно поверьям, после смерти *салгын кут* человека улетает, *буор кут*, то есть тело, предается земле, а *ийэ кут* возрождается через три или семь лет.

Р. И. Бравина в своей работе «Концепция жизни и смерти в культуре этноса» пишет: «Одним из признаков Среднего мира мифопоэтическое мышление выделяло его населенность людьми, “рожденными на погибель”, ставя, таким образом, между понятиями “рождение” и “смерть” знак равенства: рождение предполагает смерть, а смерть — рождение» [Бравина, 2000, с. 297].

Прямое значение слова *смерть* в якутском языке передается лексемой *өлүү* (*өл* ‘умереть’, *өлөр* ‘убить’). Все остальные слова и выражения являются эвфемизмами или метафорами.

3. Метафорические обозначения смерти

Слова и выражения, относящиеся к понятию «смерть», можно охарактеризовать с точки зрения воплощенных в них семантических моделей:

«Смерть — переселение в иной мир».

Данную модель репрезентируют выражения *анараа дойду*, *ол дойду* (букв. «та страна») — ‘загробный мир, тот свет’; *анараа дойдуга айаннаа (аттан)* — ‘отправиться на тот свет’; *анараа дойдуга атаар* (букв. «проводить на тот свет») — ‘отправить на тот свет, то есть убить’; *ол дойдуну бул* (букв. «найти ту страну») — ‘умереть’ и т. п.

О том, кто скончался только что или совсем недавно, не принято говорить прямо *өллө* ‘умер’, а нужно говорить тихо, осторожно, используя эвфемизмы. Понимание смерти как пути выражается эвфемизмом *бар* (букв. «уйти») — ‘умереть, скончаться’. *Бар* в значении ‘умереть’ иногда употребляется с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-аахтаа*, чтобы передать субъективно-эмоциональное отношение говорящего к покойнику: *Оо, сыччыай, кэлээхтээтинг дуу? Ийэн эрэйдээби баттаспатын ди, бөлүүн бараахтаата.* — *О, ты пришел, маленький, не успел ведь, мама твоя ушла (умерла), беденькая, ночью.*

О том, кто ушел после продолжительной болезни, долго мучался или сильно страдал в последние годы жизни, говорят: *сынньаннаба*, то есть

«наконец отдохнет от мук». Например, *Бокуонньук атааннаах, арбастаах аан ийэ дойду түбүгүттэн арахан, уһун сынньаланна барбыт*. — Покойник, оставив этот многострадальный мир, все его тягости, ушел в долгий отдых. [БТСЯЯ, 2005, с. 197]. Эвфемизм *төнүн* (букв. «уходить обратно» — ‘умирать, погибать’) подтверждает представление о смерти как о неизбежном, то есть человек как бы возвращается туда, откуда пришел, а здесь на земле он лишь временный гость: (1) *Арай дьэнкир таас иһит үлтүрүйбэт буоллун, биһрдэ төрөөн баран киһи төннүбэтэ буоллун!* — Если бы стекло не разбивалось, а человек, родившись однажды, не умирал бы; (2) *Саха сиригэр 1921 сыллаахха төлөһүөн эрэр ыччаттар төннүбүттэрэ*. — В Якутии в 1921 году погибло много молодых людей, которые только начинали жить; (3) *Абыйах хоноот курас сурах тарбанна: “Дьэрэмэйдээх саҥа төрөөбүт оҕолоро төннөр кутталлаахтык ыалдьыбыт”*. — Спустя несколько дней, прошел печальный слух о том, что новорожденный ребенок Еремеевых заболел так тяжело, что даже может уйти (обратно) [БТСЯЯ, 2014, с. 556].

«Смерть — конец».

Смерть — это уход со срединного мира навсегда, конец жизни. В якутском языке глагол *бүт* в прямом смысле означает ‘прекращать, закончиться’: *сэрии бүппүтэ* ‘война закончилась’. А в качестве эвфемизма данное слово употребляется в значении ‘скоро умереть’: БҮТ. глагол. 4. разг., эвф. Находиться при смерти; умереть, скончаться. *Борокуопай эрйдээх бүппүт, уолугун төрдүгэр эрэ тыынар дэһэллэр...* — Бедный Прокопий умрет, уже скоро **конец ему**, еле-еле дышит лежит... [БТСЯЯ, 2005, с. 695]. Данный эвфемизм обычно употребляется по отношению не к тому, кто уже умер, а к тому, кто скоро, вот-вот умрет, когда смерти уже не избежать (обычно о тяжело больном человеке). Когда человек уже умер, говорят *быһынна* или *быстаахтаата* (уменьшительно-ласкательная форма). *Быһын* (букв. «разорваться» (например, о веревке). Как эвфемизм, употребляется в значении ‘скончаться’: *Сырдык тыына быһынна*. — Скончался (букв. «разорвалась его светлая душа»). *Эпэрээссийэ кэнниттэн тутта быстыбыт*. — Скончался (букв. «разорвался») сразу после операции. В якутском языке есть такое фразеологическое выражение: *Күн харабата тулунна, күһэнэ быата быһынна*. — Наступила смерть неминуемая (букв. «отлетела закрепа солнца, **оторвалось** күһэнэ»). *Күһэнэ* — это металлическая пластинка, прикрепленная на спине шаманского костюма и обладающая магической силой. Фразеологизм основан на том, что, по старинному поверью, если во время камлания порвется шнур от күһэнэ, то шаман должен умереть неминуемо, тут же на месте.

«Смерть — угасание».

Представление о жизни у якутов тесно связано с огнем, домашним очагом: *аал уот* ‘священный огонь’, *аал уот араначчыта* «хранительница домашнего (семейного) очага» — хозяйка дома; *уота уоттуйбут* (уст., букв. «огонь его разжегся») — ‘о человеке, который недавно обзавелся семьей, своим домом’; *туспа буруо таһаар* (букв. «разводи отдельный дым, огонь») — ‘быть, стать самостоятельным хозяином, семьей’; *уһун уоту оттун* (букв. «разожгите длинный огонь») — ‘живите долго и счастливо’; *аал уоккут араначчылыы турдун* ‘да хранит вас священный огонь’; *дьолгут тубустун, буруобут унаардын!* ‘счастье пусть приумножится ваше, пусть дым вашего очага поднимется дальше!’ и т. п. А смерть, конец жизни, следовательно, означает угасание огня: *уота умулунна* (букв. «погас его огонь»), то есть ‘не стало очага, умер последний человек в семье’; *буруота быһынна (сүттэ, сабылынна)* (букв. «разорвался его дым, исчез») — жизнь его закончилась, и продолжителей рода у него нет, то есть ‘умирать, кончаться последним из семьи, не оставив потомства’.

«Смерть — тьма».

У якутов, как у многих народов, смерть ассоциируется с темнотой, мраком, а жизнь — со светом, солнцем. В языке много выражений, связанных с таким представлением. Например, *урун күн сириттэн сүт* (букв. «исчезнуть из мира белого солнца»); *күн сириттэн күрэн* (букв. «убежать с солнечной земли»); *күн сырдыгыттан (сириттэн) матта* (букв. «ему больше не достанется солнечного света»). Все эти выражения означают: ‘умереть, уйти из жизни, покинуть землю’.

«Смерть — сон».

Репрезентантами модели являются следующие речевые обороты: *кыламанын сапта* «закрывл свои ресницы», *уһуктубат уһун уутун утуйда* «уснул долгим беспробудным сном», *букатыннаах уутун утуйда* «уснул вечным сном», *харабын букатыннаахтык симтэ* «закрывл глаза навеки» — ‘скончался’.

«Смерть — могила».

Модель воплощена в выражениях: *буорга киир* «зайти в землю», *иннэн* «залезть в яму (могилу)» — ‘умирать, ложиться в могилу’. *Халдьаайыга табыста* «вышел на косогор» — ‘умереть, быть похороненным’. У якутов кладбище бывает на возвышенной местности, косогоре, холме, потому слово *халдьаайы* ‘косогор’ ассоциируется с кладбищем. Отсюда еще выражение *халдьаайыттан арахсыах дьон* «люди, которые расстанутся только на косогоре» — ‘очень любящие друг друга, боготворящие друг друга, питающие сердечную склонность друг к другу’.

В якутском языке есть выражения, которые передают смертельное проклятие, то есть эмоционально-экспрессивные выражения с яркой образной основой: *Хоруоба хончойдо, кириэһэ килбэйдэ, чардаата сандарда* (букв. «гроб его заторчал, крест его заблестел, памятник его засиял») — ‘умер’; *буору уоп* (букв. «набрать землю полон рот») — ‘умри’.

4. О «хорошей» и «плохой» смерти

Якуты разделяют хорошую и плохую смерть. Хорошая смерть — это смерть в старческом возрасте, в своем доме, в кругу родных. А плохая смерть — это самоубийство. «Дурная смерть» (*ыттыы өлүү*) — преждевременная кончина, недобровольная смерть, самоубийство. О том, кто убил себя, говорят *илиитэ уһаабыт* (букв. «рука подлинела»), *илиитэ тиийбит* (букв. «дошла рука»), *бэйэтигэр тиийиммит* (букв. «дошел до себя»), *абааны кыттыспыт*, то есть присоединился злой дух, у человека помутилось сознание, и смерть наступила его подобным образом.

Во всех культурах самоубийство считается одним из величайших грехов. Что касается якутской культуры, самоубийц хоронили лицом вниз за пределами родового кладбища, никаких памятных знаков не ставили.

Есть также выражения, которые применяются по отношению к покойному, который был злым человеком, сделал много плохого, унижал людей и т. п., например: *атабын тэһнээбит* (букв. «подравнял свои ноги»), *баһа хатта* (букв. «голова его обсохла»), *морбой* (букв. «быть, казаться узким, удлиненным, с торчащими вперед губами (о лице)»), *са-раа* «умирать, скончаться» (чаще всего употребляются с чувством злодательства, ехидства).

О преждевременной трагической смерти якуты говорят: *былабайга былдьатта* (букв. «отнята нечистью»). *Былабай* — нечисть [ПЭК СЯЯ, 1959, с. 608]. Или: *суоруума суолланна* (букв. «негаданный путь наступил (его)»). Слово *суоруума* означает: 1. Выкидыш, недоносок. 2. Нежданный, негаданный. *Суоруума соргу*. — Нежданная доля. *Өллөбүм суорумата сүүрүн!* — Какая обидная смерть! [Там же, с. 2350]. Ср. бур., монг. *зуурма*, орд. *дьюурма*, халх. *зуурм* ‘полуготовый, недоделанный, на полпути; рано родившийся; выкидыш’ [БТСЯЯ, 2012, с. 147].

5. Тыын — живое начало

Понятие «жизнь» всегда соприкасается с понятием «смерть». У якутов в основе представлений и наблюдений мира, природы лежало характерное для традиционного мировоззрения острое ощущение живого начала в при-

роде, первый признак которого — *тыын* ‘дыхание’. Слово *тыын* в якутском языке означает: ‘дыхание’ — ‘душа’ — ‘жизнь’. Поэтому слово *тыын* присутствует во многих выражениях, обозначающих понятия «убить», «смерть», «конец жизни»: *сыккырыыр (суккуруур) тыына эрэ* — едва жив; *сыккырыыр тыына эрэ ортут* — сильно истощиться, едва остаться в живых; *тыына быһынна* — умереть, скончаться (букв. «душа разорвалась»); *тыыныгар тур (тиий)* (букв. «дойти до души его»), *тыынын быс* (букв. «отрезать душу его»), *тыынын иһиллээ* (букв. «услышать душу его»); *тыынын тымныт* (букв. «охладить душу его») — лишать жизни, убивать кого-л.; *тыынгар турун* — себя убить; *тыын былдьаһыга* — предсмертная агония; *тыына табыста* — испустить дух, отлетела душа (букв. «душа его вышла»); *тыыммар өһүм суох* — я не хочу умереть; я не пойду на смертельный риск (букв. «я не враг своей душе»); *тыына тымныйда* — умереть, скончаться (букв. «душа его охладела»); *тыынын салбаа* — добывать кого-л. (раненого), *тыынна салбаа* — выручать, спасти кого-либо, попавшего в большую беду (букв. «продлить дыхание»); *тыын сириҥ тарыйтарбыт* — быть смертельно раненым (букв. «У него задето жизненное место»); *тыын сирэ* — жизненно важный орган (животного, редко — человека); *тыын толуга* — жертва ради спасения жизни; *тыын тыынҥа харбас* — идти на всё ради спасения своей жизни; *тыынҥын кэтэн* — быть предельно осторожным, остерегаться какой-л. смертельной опасности; спастись, выйти живым из какой-л. опасной переделки; *тыынҥын тэскилэт* — спастись бегством от беды, смерти; *сырдык тыынын толук уураар* — принести в жертву свою жизнь; *тыын ук* — помогать, спасти кого-л., попавшего в беду (букв. «вложить жизнь»); *тыынын атылыдыр* — соотв. продавать душу кому-либо [ЯРФС, 2002, с. 242—248].

Якуты понимали человеческую душу как некую материю. В народном фольклоре со словом *тыын* употребляются эпитеты *суон* ‘широкая’, *халын* ‘плотная’, *үрүҥ* ‘белая’, *хара* ‘черная’: ***Суон тыын толуга, халын тыын хардайа буол эрэ! Хара тыыммын Харыйдаан хаххалаа, Үрүҥ тыыммын өрүһүйэн өллөйдөө!*** — Спасай меня от гибели, сохрани мою жизнь! (из олонхо «Ньургун Боотур Стремительный») (букв. «искупи мое **плотное дыхание**, заслони мое **черное дыхание**, защити мое **белое дыхание**»). Сочетания *үрүҥ тыын*, *хара тыын*, *халын тыын*, *суон тыын* подразумевают жизнь человека. «Цветосимблика, запечатленная в различных памятниках духовной и материальной культуры, имела для человека прежде всего сакральное значение, будучи важным элементом мифологических классификаций, ритуала и культа. Имена цвета служили наиболее емким, концентрированным выражением духовного и религиозного опыта народа;

контраст белого и черного цвета наглядно представлял модель дуальной картины мира, построенной на противопоставлении света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла и т. д. Цветовой метафоре принадлежит исключительная роль в формировании различных концептуальных систем в тюркских и монгольских языках» [Габышева, 2003, с. 19].

6. Заключение

Главными концептуальными признаками смерти в якутской языковой картине мира являются «исчезновение», «прекращение жизни», «уход в иной мир». Рассмотрев лексико-семантическое выражение концепта СМЕРТЬ в якутском языке, мы выделили следующие метафорические модели: смерть — переселение в иной мир; смерть — конец; смерть — уход; смерть — тьма; смерть — сон; смерть — могила. В сознании якутов преобладает представление о смерти как об уходе в иной мир.

В представлении якутов о смерти можно выделить универсальные и национально-специфические стороны. Для всех культур универсально то, что смерть представляется уходом в мир иной, концом жизни. К числу национально-специфических представлений можно отнести тот факт, что у якутов очень сильна вера в загробную жизнь, в существование покровителей, духов рока (например, *Оһол төрдө Одун Хан, Дьылба ыйааба Чыгыс Хан*, то есть все предначертано судьбой, в том числе время смерти). Вероятно, это связано с языческой верой якутов, преклонением *духам-иччи*. В языковой репрезентации концепта СМЕРТЬ преобладают эвфемизмы, в качестве которых выступают средства вторичной номинации (метафора, метонимия). Материалы статьи далеко не исчерпывают всех составляющих концепта смерть: сценарий ухода, образ души, атрибуты и др. Предстоит дальнейшее более объемное и глубокое исследование в этом направлении.

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой* толковый словарь якутского языка. — Новосибирск : Наука, 2004—2017.

2. *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка / авторы словарных статей : В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова и др. ; под ред. Ю. Д. Апресяна. — Москва ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с.

3. ПЭК СЯЯ — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Москва : Наука, 1959. — 1280 стлб.

4/ ЯРФС — *Нелунов А. Г.* Якутско-русский фразеологический словарь / А. Г. Нелунов. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. — 417 с.

Литература

1. *Афанасьева Е. Н.* Репрезентация концепта НЕБО в картине мира якутского языка / Е. Н. Афанасьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. — Санкт-Петербург : ФГБОУ РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. — С. 75—80.
2. *Балашова Л. В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI—XX веков) / Л. В. Балашова. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1998. — 127 с.
3. *Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса : реконструкция, традиции и современность. На материале культуры Саха / Р. И. Бравина. — Якутск, 2000. — 383 с.
4. *Бравина Р. И.* Погребально-поминальная обрядность якутов : памятники и традиции (XV—XIX вв.) / Р. И. Бравина, В. В. Попов. — Новосибирск : Наука, 2008. — 296 с.
5. *Васильева Н. Н.* Лексические синонимы в языке саха / Н. Н. Васильева. — Якутск : [б. и.], 1996. — 112 с.
6. *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира : на материале языка и культуры якутов : фтореферат ... доктора филологических наук / Л. Л. Габышева. — Москва, 2003. — 35 с.
7. *Готовцева Л. М.* Концепт СМЕРТЬ во фразеологической картине мира (на примере якутского и немецкого языков) / Л. М. Готовцева, В. Н. Петров // Хабаршы. Вестник. Серия филологическая. — Алматы, 2005. — № 3 (85). — С. 79—82.
8. *Готовцева Л. М.* Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов / Л. М. Готовцева, Т. Н. Николаева, А. К. Прокопьева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). — Томск, 2017. — Вып. 3 (17). — С. 21—30.
9. *Габарова Э. В.* Лексикокультурологические характеристики концепта СМЕРТЬ / Э. В. Габарова // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 2001. — С. 71—80.
10. *Мыреева А. Н.* Концепт хомуса в якутской литературе / А. Н. Мыреева // Культурное наследие Северной Евразии : сборник материалов конференции. — Киров : Международный научный центр НИР, 2014. — С. 51—60.
11. *Невская Л. Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде / Л. Г. Невская. — Москва : Наука, 1980. — 228 с.
12. *Николаева А. М.* О ключевых концептах якутской женской поэзии / А. М. Николаева // Северо-восточный гуманитарный вестник. — № 1 (18). — Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2017. — С. 118—126.
13. *Николаева Т. Н.* Кумыс в традиционной картине мира якутов / Т. Н. Николаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — № 1 (01). — Якутск, 2016. — С. 100—105.
14. *Скрябина А. А.* Когнитивный анализ концепта СМЕРТЬ в эвфемизмах якутского языка / А. А. Скрябина // Научный альманах. — № 3 (17). — Тамбов, 2016. — С. 339—341.

15. *Слепцов П. А.* Концептосфера родного языка — концептосфера национальной культуры (к постановке проблемы) / П. А. Слепцов // *Язык как основной элемент культуры : гнезис, традиции и современные проблемы : материалы конференции.* — Якутск : [б. и.], 2006. — С. 13—18.

16. *Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность якутов (XIX — начало XX вв.) / П. А. Слепцов. — Якутск : Якутское кн. изд-во, 1989. — 158 с.

17. *Тарабукина А. М.* Функционирование концептов ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ в прозе Н. А. Лугинова / А. М. Тарабукина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — № 7 (73). — Тамбов : Грамота, 2017. — С. 77—79.

18. *Урусова Р. А.* Семантическое наполнение концепта СМЕРТЬ в русском языковом сознании / Р. А. Урусова // *Говорящий и слушающий языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы международной научной конференции.* — Санкт Петербург : Союз, 2001. — С. 325—328.

19. *Якуты (Саха)* / отв. ред. А. Н. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. — Москва : Наука, серия «Народы и культуры», 2012. — 599 с.

Lexical-Semantic Explication of Concept DEATH in Yakut language

© **Vasilyeva Nadezhda Nikolayevna (2017)**, orcid.org/0000-0002-1742-1974, PhD in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), vaserel@mail.ru.

© **Nikolayeva Albina Mikhaylovna (2017)**, orcid.org/0000-0002-8651-5587, PhD in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aliasams@rambler.ru.

The results of the lexical-semantic explication of a universal concept of DEATH in the Yakut language picture of the world are presented. The relevance of the work is determined by the fact that the study of concepts, occupying a significant place in the Yakut linguistic culture, is not currently completed. It is also noted that linguists have always shown interest in the content of the concept of DEATH and peculiarities of its lexical representation by means of different languages, because it belongs to the universal concepts. Euphemization in of death designation is emphasized. The material of the research were sustainable verbal complexes of the Yakut language, signifying death. Prepared by the authors the literal translations of collocations are presented. For example, the expressions are given which literally can be translated as follows: "to disappear from white sun world," "to go into the pit," "to go out on the hillside," "soul became cold" etc. The analysis involve phraseology with other meanings: 'to deprive of life, kill,' 'to go on a deadly risk' etc. They confirm and clarify the metaphors identified in the primary material. Vocabulary is analysed with respect to ethnographic background information about the traditions of the Yakut graves, about the attitude to suicide and others. Following models of ideas about death are revealed on the Yakut material: "death is a transmigration to another world," "death is the end," "death is darkness," "death is sleep" etc.

Key words: concept; death; Yakut language; metaphor; euphemism; national picture of the world.

Material resources

- Apresyan, V. Yu. (ed.) 2004. *Novyy obyasnitelnyy slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Moskva; Vena: Yazyki slavyanskoj kultury: Venskiy slavisticheskiy almanakh. (In Russ.).
- BTSYaYa — *Bolshoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka*. 2004—2017. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- PEK SYaYa — Pekarskiy, E. K. 1959. *Slovar' yakutskogo yazyka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- YaRFS — Nelunov, A. G. 2002. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.).

References

- Afanasyeva, E. N. 2013. Rerezentatsiya kontsepta NEBO v kartine mira yakutskogo yazyka. *Izvestiya RGPU im. Gertsena*. Sankt-Peterburg: FGBOU RGPU im. A. I. Gertsena. 75—80. (In Russ.).
- Alekseyev, A. N., Romanova, E. N. Sokolova, Z. P. (eds.) 2012. *Yakuty (Sakha)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Balashova, L. V. 1998. *Metafora v diakhronii (na materiale russkogo yazyka XI—XX vekov)*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
- Bravina, R. I. 2000. *Kontseptsiya zhizni i smerti v kulture etnosa: rekonstruktsiya, traditsii i sovremennost'*. Na materiale kultury Sakha. Yakutsk. (In Russ.).
- Bravina, R. I., Popov, V. V. 2008. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii (XV—XIX vv.)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Gabyшева, L. L. 2003. *Slovo v kontekste mifoepicheskoy kartiny mira: na materiale yazyka i kul'tury yakutov: avtoreferat doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Gotovtseva, L. M., Petrov, V. N. 2005. Kontsept SMERT' vo frazeologicheskoy kanrtine mira (na primere yakutskogo i nemetskogo yazykov). *Khabarshy. Vestnik. Seriya filologicheskaya*, 3 (85): 79—82. (In Russ.).
- Gotovtseva, L. M., Nikolayeva, T. N., Prokopyeva, A. K. 2017. Bazovyye binarnyye kontsepty kak fragmenty yazykovoy kartiny mira yakutov. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)*, 3 (17): 21—30. (In Russ.).
- Grabarova, E. V. 2001. Likgvokulturologicheskiye kharakteristiki kontsepta SMERT'. In: *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatelnosti: sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Peremena. 71—80. (In Russ.).
- Myreyeva, A. N. 2014. Kontsept khomusa v yakutskoy literature. In: *Kulturnoye naslediyе Severnoy Evrazii: sbornik materialov konferentsii*. Kirov: Mezhdunarodnyy nauchnyy tsentr NIR. 51—60. (In Russ.).
- Nevskaya, L. G. 1980. *Semantika dorogi i smezhnykh predstavleniy v pogrebalnom obryade*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Nikolayeva, T. N. 2016. Kumys v traditsionnoy kartine mira yakutov. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Epovedeniye, 1 (01)*: 100—105. (In Russ.).

- Nikolayeva, A. M. 2017. O klyuchevykh kontseptakh yakutskoy zhenskoy poezii. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 1 (18). Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN. 118—126. (In Russ.).
- Skryabina, A. A. 2016. Kognitivnyy analiz kontsepta SMERT' v evfemizmakh yakutskogo yazyka. *Nauchnyy almanakh*, 3 (17): 339—341. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. 1989. *Traditsionnaya semya i obryadnost' yakutov (XIX — nachalo XX vv.)*. Yakutsk: Yakutskoye kn. izd-vo. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. 2006. Kontseptosfera rodnogo yazyka — kontseptosfera natsionalnoy kultury (k postanovke problemy). In: *Yazyk kak osnovnoy element kultury: genesis, traditsii i sovremennyye problemy: materialy konferentsii*. Yakutsk. 3—18. (In Russ.).
- Tarabukina, A. M. 2017. Funktsionirovaniye kontseptov ZhIZN' SMERT' v proze N. A. Luginova. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7 (73): 77—79. (In Russ.).
- Urusova, R. A. 2001. Semanticheskoye napolneniye kontsepta SMERT' v russkom yazykovom soznanii. In: *Govoryashchiy i slushayushchiy yazykovaya lichnost', tekst, problemy obucheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt Peterburg: Soyuz, 325—328. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. N. 1996. *Leksicheskiye sinonimy v yazyke Sakha*. Yakutsk: [b. i.]. (In Russ.).